

РАССКАЗЫ

РОЖДЕНИЕ

Контрастность неба была удивительной — далекий розовый фонарь, который так редко показывается из-за облаков, лучами очертил границу сизо-синих туч. Машина «скорой помощи» — ГАЗ-55 — передвигалась по разбитой набережной Невы подобно ящерице, то резко ускоряясь, то притормаживая, объезжая очередное препятствие. Тот же фонарь подсвечивал верхние этажи обезличенных в полумраке зданий. Горизонт уже приобрел серый оттенок, и все сливалось — крышка капота, поверхность Невы и неба — в едином бесцветии. Только по капоту изредка быстро пробежали желтоватые блюдца, как будто невидимый официант бросал их через весь стол, дерзко и быстро сервируя его.

«Да, так и есть, фонари накрыли центр города светом, придав ему хоть какую-то видимость жизни», — проскочила мысль. Она прорвалась сквозь хмурые, как это небо, раздумья и осветила лицо Павла, сидящего в машине на месте врача. Прошло три месяца, как ему доверили работу медбрата.

Уже целая неделя, как на некоторых улицах появилось освещение — город из темного призрака превращался во вполне жизнеспособного, пусть и с трудом дышащего товарища. Рабочие проложили кабель по дну Ладоги, и на прошлой неделе энергосети дали электричество с Волховской электростанции. Это было чудо! Как немного нужно для того, чтобы ощущать себя человеком.

«Конечно, чудо! Город затравлен, но я еще жив, и низкий поклон ему за это», — думал Павел, невысокий, жилистый, со смоляными волосами, молодой южанин. Иногда он шутил:

— Во мне взрывоопасная смесь всех шестнадцати союзных республик. Да, я русский.

На нем был идеально чистый медицинский халат, из-под которого выглядывал чистый, хотя и застиранный воротник голубой рубашки.

Паша уже год жил в осажденном Ленинграде и такой заботы жителей друг о друге не встречал нигде. Обессиленные, словно призраки, они передвигали материальные предметы: носили друг другу воду и дрова, чистили улицы от завалов, увозили трупы, которые в последнее время появлялись значительно реже. Прошлой зимой тела лежали повсюду: на тротуарах, на дорогах, в подъездах. Тогда процветало людоедство. Но последние полгода что-то изменилось. Дух начал пересиливать материю, и люди вспомнили о своей человеческой природе.

Выбоин на дороге стало меньше, и водитель Ильяс — лысый татарин с голубыми глазами — прибавил газу. Здесь успели засыпать рытвины, образовавшиеся после бомбежки, — все-таки набережная реки Фонтанки считается центральной улицей. На повороте к улице Дзержинского машину опасно занесло, но Ильяс уверенным движением руля отработал занос, и она ровно продолжила свой путь.

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светунец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

— Ильяс, надо сходить в гараж, там встала Васькина машина. И похоже, что искусственное дыхание делать ей уже бесполезно, она не очухается. Давай попросим у Васи резину, впереди зима, а в нашу, смотрясь, можно бриться.

Вдруг Ильяс притормозил резче, чем обычно. Павел, ничего не разглядев, недоуменно спросил:

— Ильяс, ты что?

— Кленовые листья легли в ряд. Поперек улицы. Будто уточка оставила следы. Они аж светятся в темноте. Вспомнил, как проводил лето у моей бабки в деревне. Извини.

«Ильяс прав, жизнь должна идти своим чередом, смерть — своим. К смерти мы торопимся круглосуточно, иногда и на жизнь надо обратить внимание. Здесь каждый день умирают, да не просто умирают, а у тебя на руках. На фронте бой перемежается с затишьем, смерть с жизнью. А здесь смерть не разбирает даже времени суток, не говоря про дни недели. Первое время не мог спать, пока не появился здоровый цинизм».

Павла год назад, в октябре сорок первого с переломом ключицы отправили в ленинградский госпиталь. Его, комбайнера из-под Сталинграда, за три месяца до этого срочно отправили на курсы водителей танков: сказался невысокий рост. Проводить Пашу на поезд было некому. Уже на курсах, он получил письмо от отца из поселения в Пермском крае, куда того выселили в тридцать шестом. Оно дымилось от эмоций: «Несмотря на то что история нас разделила и многие русские люди оказались, как это было нередко в нашей истории, по разные стороны баррикад, мы должны сплотиться, ведь сейчас угрожают самому существованию славян. Мы должны взять лопаты и выгрести расплозающуюся гниль».

Отец до революции был директором местной гимназии. Служа там, он заработал на небольшое имение и уже в двадцатых годах, после жуткого голода, когда семья потеряла мать, был вынужден научиться работать на земле и стал, как, теперь говорится, кулаком.

— Теперь могу и по роже стукнуть. Только толку немного. Куда я со своим кулаком против ружья, — шутил он.

И как многие, он не принял коллективизацию:

— Работать по-разному, а делить поровну — альтруизм может быть до определенного предела, — возмущался он. Сын был не согласен и ушел по другую сторону «баррикад»:

— Человек — существо коллективное, даже волки живут стаями, — говорил он.

— Конечно, если бы результаты труда оставались в колхозе, а то ведь хозяйство-то коллективное, а решения партийные, — отвечал отец.

— Это временно, — уходил от ответа Павел, чувствуя слабость своей позиции.

Уже в сентябре Павел оказался на линии фронта под Ленинградом. Ему досталась новая «тридцатьчетверка», только что сошедшая с конвейера нижнетагильского завода. Экипаж самоходом добрался от железнодорожной станции до назначенной точки, но уже в пути начались проблемы. Сперва отказала радиостанция, и они чуть не заблудились — помогли местные пастухи. Танк около пятнадцати километров шел по стопам сивого коня, который сливался в смотровом окне с уже порыжевшей листвой. Затем на подъезде к месту дислокации разбило коробку передач, и они целые сутки провели в поле, пока не подвезли новый фрикцион.

— Сборщики, ядрена мать. Из-за таких красавцев план в колхозе по ночам выполняли, — ворчал Павел.

Он часто задумывался о том времени, когда придется вступить в бой:

«Ладно когда комбайн встает посреди поля, а если встанет танк. Он же как консервная банка, ждущая свой нож. Вся надежда на пушку и командира, который только вчера прибыл из училища».

Павел был трусоват по своей природе и поэтому шел в потоке, делал, как все. Стал комсомольцем, как все. Даже передовиком он стал, чтобы сильно не выделяться. Правда, первый раз он сел в кабину комбайна не совсем трезвым, но это помогло побороть страх.

И проблема не заставила себя долго ждать — первый бой прошел незаметно, когда они шли колонной, то нечаянно перешли линию фронта и нарвались на взвод мотоциклистов — это даже показалось ему весело, а вот во втором бою повезло меньше: заклинило рычаг правой гусеницы. Павел растерялся, не зная, что делать. Танк начал крутиться на месте, словно собака, пытающаяся ухватить себя за хвост. Машина превратилась в удобную мишень, и пока Павел тянулся за кувалдой, оказавшейся в отделении командира, грянул выстрел из противотанковой пушки. Он даже не успел испугаться — дальше в состоянии контузии он что-либо слабо помнил. Может быть, он сломал ключицу во время взрыва, может быть, тогда, когда его выволакивали из танка.

В ноябре пришло время выписываться, и в один из вечеров в палату вбежала медсестра. Она была прекрасна той благородной красотой, которая даже сквозь медицинский халат выдавала в ней принадлежность к дворянскому роду. Даже сумятицы на ее лице никто не заметил, она остановилась и будто прочитала стихи:

— Есть здесь кто-нибудь, умеющий водить машину? Убит водитель «скорой помощи».

Вся палата, включая тех, кто ни разу в жизни не касался руля, подалась вперед, в страстном желании сказать: «Я», — но крикнул только Павел:

— Я могу! — Он даже не видел, кто вошел, поскольку сидел спиной ко входу, но нежелание идти на фронт подстегнуло его. — Левая рука пока не очень, но можно попробовать! — добавил он, повернувшись, к медсестре.

Павел хотя и работал комбайнером, но несколько раз ему приходилось рулить на служебной «эмке»: водитель председателя иногда уходил в неожиданный загул.

Уйдя вместе с медсестрой, которую, как он узнал позже, звали Нюрой, и подменив погибшего водителя, он так и остался работать на станции «Скорой помощи». Главврач похлопотал за него, хотя было совсем непонятно, где спокойнее — здесь или на фронте. Там есть время боя и есть время отдыха, причем, как правило, время активных военных действий значительно короче, чем время затишья — время передислокации. Война войной, а обед по расписанию. В «Скорой помощи» же, как в муравейнике, даже ночью продолжалась жизнь — Павлу приходилось работать двадцать пять часов в сутки, и конца-краю работе не было видно. Даже если не было бомбежек и количество вызовов уменьшалось, то приходилось ездить за водой, а зимой Павел часто отправлялся «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру за медикаментами. Сколько там ушло под лед автомобилей во время встреч с немецкими «мессершмиттами», известно одному Богу. Со временем Павел стал за всех — и водитель, и медбрат, и ангел-хранитель, и повар...

— Пашка, расскажи историю про собаку нашего хирурга. Николай — мировой, да, мужик? Медсестра Галина мне шибко нравится. Ты видел, какая у нее белая кожа? Я слышал, ты там каким-то боком к этой истории? — вопрошал Ильяс, выкручивая всем своим телом руль ГАЗ-55. На улицах уже никого не было, и он мог позволить себе заложить пошире. Это было вынужденно, ведь сейчас он весил не более шестидесяти, а до войны занимался борьбой и выступал в полутяжелом весе. Как-то Ильяс принес награды в больницу...

— Ильяс, тяжелая очень история, он же охотник, и собака у него была охотничья — лайка Бен, — перебил Павел и тут же продолжил: — Ты же знаешь, у медсестер паек

небольшой, а у Галины двое детей. Она сейчас в роддоме работает. Мы позавчера от туда забрали женщину, там тяжелый случай был. А у нее самой руки трясутся, слезы льются. Она рассказывала, что старший, мальчишка, не помню, как звать, вчера утром упал без сознания. И теперь Галя не знает, кто ее дома ждет вечером. Может, одна дочь. Девчонки как-то пожилистей нашего брата. Вот Николай и отдал ей, совершенно чужому человеку, свою собаку. Убить самому духу не хватило. Попросил меня, знает, что я из деревни. Видел бы ты его в этот момент. И так не кочепыжный, а тут превратился в сморщенный грибочек, будто часть своей жизни отдал. Я привез Бена к Галине домой, во дворе пристрелил. Мне еще полгода назад выдали табельное оружие для защиты от мародеров. Ну и разделявать пса пришлось самому, Галя с голодухи и так еле стоит, а тут еще такое. Да я, честно, сам сперва струхнул. Ты когда-нибудь видел глаза лайки? Они поумнее многих человеческих будут. По немцам стрелять проще, — отрезал Павел.

— Ух ты, — с содроганьем выдохнул Ильяс и продолжил: — Кстати, мы подъезжаем, во дворе, наверно, темень, но когда звонили, то обещали встретить, — сказал он, очухавшись от рассказанного и поворачивая во двор.

Фары были забрызганы грязью и светили плохо — видимость становилась лучше только в пятне радиусом два метра, перед капотом. Вот в этом радиусе неожиданно и появился гриб. Это мог быть деревянный грибок с детской площадки, но он зашевелился и отскочил в сторону. Ильяс притормозил, Павел приоткрыл дверцу и спросил:

— Это Садовая, семьдесят девять?

Грибочком оказалась старушка, худящая-прехудящая, но в широкополой шляпе с невысокой тульей. Она была вытерта, и цвета было не разобрать. В придачу к шляпе на шее был повязан серебристый платок. Она как будто выпорхнула с открытки начала века.

— Я тут вас уже полчаса дожидаюсь, примерзла немного, это я вам звонила, — сказала добродушно старушка.

— Руль до упора вправо и вставайте вон туда к скамейке, — удивила она Ильяса и Павла неожиданной командой.

— Пойдемте скорее, боюсь, как бы ни было поздно, — продолжила она еще жестче, отрезав им возможность дальнейших расспросов.

Прихватив носилки, они выскочили из машины и гуськом двинулись в соседний подъезд.

— Это я вызвала вас. Насчет машины не удивляйтесь, мой муж, секретарь горкома, царствие ему небесное, в свое время научил меня, и я не хуже его управлялась с нею. — Через секунду на ходу она продолжила: — Роженица у нас в доме!

— Ильяс, ты понял, скорее всего, в роддом едем. Это на Петра Лаврова, два. Недалеко. С тобой мы там еще не были.

...Ильяс, в отличие от Павла, работал водителем на «Скорой помощи» вторую неделю. Пришел тем же путем, что и Паша, — через госпиталь. Подорвался вот только на собственной гранате. Чеку частично достал, чтобы во время боя быстро извлечь, а она сама извлеклась в неподходящий момент. Успел отскочить и лечь на землю, но колено раздробило. Теперь оно почти не гнулось. Ильяс любил хохмить, посадит голубя себе на плечо, возьмет костыль и изображает из себя Джона Сильвера. Они и по натуре были похожи: он был жестким человеком, но с большим сердцем. Голуби это чувствовали. С ними у него свой язык был. Те пока сидят на плече, заглядывают Ильясу в рот, как будто пытаются по губам что-то прочесть. А это он зерен в рот набрал. Вот только голубей стало мало, самые прыткие остались. Мальчишки уже давно их перестреляли, у них своя война.

Павел же к тому времени давно перешел из водителей в медбратья. Квалификаций за год приобрел больше, чем многие довоенные медики с образованием и со стажем. Медсестры называли его ласково — профессор. И не только за то, что он мог показать все созвездия на ночном небе, но и за то, что он мог поставить на место вывихнутое плечо, и за то, что мог отремонтировать все что угодно. Под его руками неисправные вещи начинали сами двигаться, светить, кипеть. Казалось, что он их приводил в чувство касанием рук.

— В доме нашем жителей осталось немного, все на виду. Антонина, соседка с четвертого этажа, надо мной живет, рожать собралась, на седьмом месяце. Мы за ней присматривали. Но за пайком она всегда сама ходила. Пока отец был жив, генерал каких-то там войск, у нее все было просто здорово. Но он погиб по весне, и спустя какое-то время их лишили спецпайка. А сегодня она пропала. Ну я и подошла к двери — послушать. Слышу, там ребенок хнычет, у нее еще мальчик четырех лет. Я постучала. Он только хныкать стал громче. Я пошла звонить вам. У нас тут мужчин нет, двери некому выломать. Меня Елизаветой Сергеевной зовут, — старушка перешла на шепот, она задыхалась от необычно быстрого подъема по лестнице.

Подымалась троица медленно, и это позволило Павлу во время неровного рассказа осмотреться в слабоосвещенной, но удивительно чистой обстановке. Это был старый дом с высокими ступенями и цветами на подоконниках. Здесь еще жил не до конца вытравленный дух купечества, он обитал здесь с позапрошлого века — на Садовой в то время шла бойкая торговля. Когда они прошли второй этаж, где висела единственная лампочка в подъезде, то впереди образовались три тени, которые с каждой ступенью увеличивались и поглощали резные перила, цветы на подоконнике, бра, бесполезно висящие по сторонам, оставляя только давно не беленный, потрескавшийся потолок.

«Так революция проглотила Россию в семнадцатом. Петроград — один из нескольких островков, потрескавшийся, но сохранившийся», — смотря на тени, подумал Павел. Вдруг на площадке он увидел пару кирзовых смятых сапог, таких же, как в детстве, стоящих на печке, сохнущих, отцовских.

«Вот и отца проглотила. Где-то он в штрафбате. Может, тоже назло всему сохранится».

Старушка задыхалась после каждого пролета, но остановиться отказывалась, Ильяс шел ненамного быстрее. Когда баба Лиза закончила, Павел уточнил номер квартиры у бабы Лизы и, оставив носилки Ильясу, рванул вперед, стараясь не сбить дыхание. Силы еще понадобятся, чтобы нести носилки вниз.

«Ладно, хоть женщины на сносях сейчас как котятка — легкие и ласковые».

Поднявшись на четвертый этаж и подсветив спичкой крепкую дверь, он обнаружил английский замок. Недолго думая, достал револьвер из кармана и выстрелил. Пуля срикошетила куда-то в стену, и пришлось выстрелить еще раз.

«Хорошо, что я один», — промелькнуло в голове. Теперь сил хватило, чтобы выбить дверь плечом. Дикая боль пронзила тело Павла, она вспыхнула в ключице и ударила через весь позвоночник, но он пересилил ее и вошел в квартиру. Кромешная темнота проглотила его, словно гигантский гиппопотам. И дверь, скрипнувшая в безмолвии, прозвучала так, будто это сомкнулись зубы его огромной пасти.

«Неужели опоздали? Кленовые, черт, листья», — пронзила мысль.

Павел чиркнул спичкой и нащупал выключатель. Свет зажегся не сразу, будто боялся высветить что-то запретное. Впереди был длинный пустой коридор. Павел двинулся дальше, заглядывая в открытые двери. В первой комнате никого, во второй никого. Он заметил краем глаза, что это были спальни, где когда-то стояли деревянные кровати и кресла. Сейчас там на полу лежали широкие матрасы и остатки от кроватей.

Здесь Мамаем прошлась общая беда — холод. Все съедает ненасытная буржуйка. Он также заметил дорогие атласные покрывала, брошенные поверх матрасов.

«Живут же», — вылезла плохая, завистливая мысль. И только войдя в гостиную, Павел почувствовал, что он не один. Паша нащупал выключатель и зажег свет. В этот раз он вспыхнул мгновенно, осветив лежащую без сознания в центре комнаты молодую женщину и маленького мальчишку: мальчик лежал у матери на груди, свернувшись клубком, словно котенок. Ее живот не выдавал беременности, видимо, воды уже отошли, да и плод наверняка был небогатырских размеров. Почти все женщины, которых Павел отвозил в роддом, рожали раньше положенного срока. Как же торопилась жизнь сменить тепло и сытость на голод и холод...

Женщина — небольшая, но ширококостная брюнетка лет двадцати пяти, в шелковом серебристом халате — лежала на спине, неестественно подвернув руку под себя. Халат задрался выше бедер.

«До войны, наверно, была пухленькая», — подумалось ему, когда он глянул на ее губы.

Павел первым движением поправил халат, вторым быстро приложил руки к горлу пацана и к горлу женщины и пощупал пульс. Ему бросилось в глаза, что в руке мальчика были крошки хлеба, они же были и на губах женщины.

«Неужели мальчик пытался накормить ее?» — Павел почувствовал себя одиноко.

— Фу ты, — выдохнул он. Пульс был еле слышен.

«Но у кого он сейчас другой?» — За последние полгода пальцы Павла стали более чувствительными, стали пальцами пианиста, чувствующими не только клавиши, но и саму музыку человеческой ауры.

В коридоре послышались шаги, и в крошечной тишине они прозвучали словно шаги Командора из маленькой трагедии Пушкина «Каменный гость». Ильяс ступал по старинному паркету.

— Сюда, — крикнул Павел, и эхо отдалось в коридоре.

Бабулька появилась первой, высунувшись из-за косяка двери. Она шурилась, будто подсматривала в замочную скважину, а рассмотрев обстановку, начала причитать:

— Тоня! И ты! Ну никого ж не осталось. Крыс и тех съели!

— Живы они, — перебил Павел. Мальчик открыл глаза, приподнял голову и со страхом, а потом с любопытством начал рассматривать окружающих людей.

— Не бойся, мы врачи, а врачи добрые. Помнишь доктора Айболита? — сказал Павел и потрепал мальчика по голове. — Тебя как кличут? — добавил он.

— Я Петя, — неожиданно уверенно и жестко ответил ребенок.

— Ладно, собираемся. Женщину на носилки. Мальчика куда? У кого можно его оставить? — обратился Павел к старушке.

— У меня. Только карточки нужно найти. Мужа не стало, и спецпайка лишили.

— Я посмотрю, — отозвался Ильяс.

Павел пытался привести молодую женщину в чувство нашатырем, она дернулась, издала грудной возглас, застонала и снова впала в забытие. То ли голод, то ли усталость, а скорее всего, и то и другое сделали свое дело. Страдание подмыло дух с двух сторон. Павел решил не мучить дальше Антонину. Пришел Ильяс, он нашел на кухне талоны, деньги и записку, где кривым размашистым почерком Антонина просила присмотреть за сыном.

— Вот дуреха, чего же ко мне сразу не шла? В нашем доме во всех есть что-то командирское. Здесь живут либо руководители, либо их дети. — ответила сама себе баба Лиза.

— Быстро, — скомандовал Павел.

Они подхватили носилки, и Ильяс сказал плачущему мальчику:

— Мы твоей мамке поможем, а ты держись бабы Лизы. Поживешь пока у нее.

Баба Лиза нежно обняла мальчонку и потихоньку вышла с ним из кухни. Мужчины несли носилки по лестнице, стараясь держать их ровно. Силы подводили, и это не всегда получалось — женщина постанывала в забытьи. Наконец вышли на улицу. Их обняла крошечная тьма. Павел не видел Ильяса, зато шелковый халат, поблескивая в темноте, создавал иллюзию того, что он летит.

«Надеюсь, туда, где нет боли», — разыгралась фантазия Павла.

— Придется искать машину на ощупь, — сказал он, продолжая думать: «Интересно, а в раю тоже есть солнце или там светят фонари?»

Ему представилось, что он рядовой сотрудник рая. Что его задача — собирать чистые души и отправлять на новое место жительства. Уже перед машиной Ильяс споткнулся, и они чуть не выронили носилки. Это возвратило Павла в Ленинград тысяча девятьсот сорок второго года на улицу Садовая. Он успел перелететь всю вселенную туда и обратно, хотя мысль длилась не больше нескольких секунд.

— Гоним, — скомандовал Павел, когда они закрепили носилки. Они сели в машину, и он продолжил: — Ты знаешь, где Петра Лаврова, два?

— Примерно, — буркнул в ответ Ильяс и слился с рулем. Минуту спустя его осенило:

— Ты, Паш, представь, а ведь в городе есть роддом. И мамашки продолжают рожать. А если отсчитать семь, восемь месяцев назад, то получим дату зачатия плода Антонины, который, даст Бог, появится сегодня на свет. А ведь это был февраль, самый тяжелый и болезненный месяц прошлой зимы.

— Кстати, ты знаешь, что китайцы отсчитывают свой возраст от даты зачатия? — откликнулся Павел.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил Ильяс, показав тем самым, что, даже чувствуя себя одним из агрегатов автомобиля, он слышит Пашу.

— Были по обмену опытом.

Китайцы у нас, или наши у китайцев побывали, Ильяс не услышал. Паша глубоко ушел в себя. То, что рождалось детишек значительно меньше, это было понятно. Но то, что они все-таки рождались, это изумляло. Конечно, и город помогал, как мог — новоявленных мам старались кормить, как в мирное время. Павлу нравилось бывать в роддоме — там пахло молоком и сливочным маслом. Инстинкт самосохранения заставлял город отдавать самое лакомое своему будущему. Но сейчас перед Пашей вереницей пробегали лица тех девчонок, которые превозмогли холод, голод, грязь, этих убийц-невидимок, и рискнули родить. Тех девчонок, которых он доставил по адресу улица Петра Лаврова, два, с которыми он за честь считал знакомство. Были и случаи, которые он гнал от себя.

В один из январских вечеров прозвучали два сигнала. Павел тогда еще был водителем. Сначала звонок телефона — сообщили, что на Васильевском, в квартале около университета, рожают женщина, и одновременно прозвучала сирена, предупреждающая о приближении немецких бомбардировщиков. Павла окликнула Нюра, сказав, что срочный вызов, и они поспешили к машине. С того дня, когда он вызвался стать водителем, Павел чувствовал покалывания во всем теле, когда они ездили вместе, и даже война отодвигалась на второй план. Внутри был покой. В такие моменты хотелось ехать и ехать, неважно куда. Глаза Нюры лучились благородной верой даже в самые тяжелые моменты.

— Это не навсегда, — повторяла она, когда они проезжали мимо очередной трагедии.

И сейчас, несмотря на сирену, Павел подбежал с пассажирской стороны и несколько театрально открыл дверь, запустив внутрь медсестру. Та, благодарно взглянув на

него, быстро села в машину. Нюра, конечно же, знала, что все мужчины в больнице без ума от нее. Но и мужчины знали, что у нее есть любимый и он на фронте, и большинство из них держали уважительную дистанцию. Паша боялся женщин не меньше, чем войны, хотя всегда старался нравиться им — его одежда всегда была чистой и наутюженной. И в первом, и во втором вопросе сказывалось жесткое материнское воспитание в детстве — отец пропадал на работе, а вечерами, уставший, предпочитал отмалчиваться. Но однажды Паша пересилил себя и написал Нюре записку, словно в детстве, с приглашением в кино. Она осталась без ответа.

На Васильевский добрались еще до начала бомбежки, а когда Павел и муж роженицы положили ее на сиденье автомобиля, послышался гул. Наверно, подобное ощущение испытывает медведь, когда он слышит гудение пчел. Женщина периодически кричала, но даже сквозь крик она не отпускала руки мужа — они не видели и не слышали ничего вокруг, и Павлу пришлось приложить усилие, чтобы разъединить их.

— Скоро поедешь забирать двоих, — сказал он мужчине, закрывая дверь.

Когда автомобиль мчался в обратном направлении, Павел увидел этих страшных пчел — самолеты в строгом порядке подлетали к центру города.

— Зима же. Чего разлетались, — зло пошутил он.

Отдельные хлопки зенитных орудий вспыхивали на фоне неба, но не могли поломать строя. При подлете к Васильевскому острову «мессершмитты» разделились на несколько роев, и каждый начал выискивать место, куда бы «ужалить» побольнее. Послышались знакомые тяжелые удары смертельного набата. Одновременно женщина начала так сильно кричать, то ли от боли, то ли от страха, что ни единой мысли укрыться не возникало. Павел, как мог, молился, чтобы не пострадали мосты, ведущие с острова на материк. Но пока он раздумывал, прямо перед ним разорвалась фугасная бомба, повалило несколько деревьев, кусками брусчатки разбило лобовое стекло. Павел не удержал руль, потерял ориентацию и вместо того, чтобы отвернуть от воронки, налетел на каменный бордюр, брошенный взрывом прямо под автомобиль. Левое колесо с громким хлопком лопнуло. Машина заскочила на газон и, к счастью, не перевернулась. Крик сзади был душераздирающим. Нюра молчала. Павел со страхом повернулся и обнаружил осколок, торчащий из горла медсестры и перерезавший трахею, сделав невозможным вырваться последнему крику. Павел посмотрел назад — роженица упала с лежака и извивалась от боли, будто лежала на раскаленной сковородке. Страх парализовал его полностью: Нюра мертва, ее стеклянные глаза смотрели на что-то, что было гораздо дальше этой улицы, на полу автомобиля уже рожала женщина, и вокруг рвутся снаряды. Ему было по-настоящему жутко. Опыта еще не доставало, и он не знал, чем помочь роженице. Паша испугался ее поднять. Лучшего, чем подложить ей под голову куртку, сказать: «Уже скоро» — и кинуться менять колесо, он придумать не мог.

— Нюра, Нюра, этого не может быть, — шептал он, вращая гайки. Она так и сидела в двух метрах от него с осколком в горле. Когда Павел докручивал колесо, беременная женщина издала очередной вопль и притихла. Потом врачи установили, что она умерла, потому что младенец запутался в пуповине...

И с тех пор страх перед бомбежкой, словно искусственный позвонок, всегда был с ним. Видимо, с этого позвонка и начинала бежать парализующая волна, когда Павел слышал мерзкий гул. Вспоминая «тридцатьчетверку», пусть и не работающую, как часы, но закрытую броней со всех сторон, он думал о том, насколько беззащитен его «газон» — он словно жук, находящийся под занесенной над ним ступней. И он вез в этом «газоне» будущее этого уже родного, но Господом забытого города. Рождение плотно переплелось со смертью, свет с тьмой.

«Все серое, белого нет», — думал Павел, и ему очень хотелось нажать на газ, когда он вез очередную беременную женщину, лишь бы не попасть под бомбежку. Но дороги были такие, что роды могли начаться в машине. И неизвестно, что страшнее — чувство беспомощности перед рожаящей женщиной или гул самолетов. Это разрывало его изнутри. В определенный момент он хотел сменить работу на что-нибудь попроще, но главврач объяснил ему, что единственное место, куда он может отправиться, — это фронт.

— А-а! — резкий крик сзади вывел Павла из забытья. — Петя, сынок, ты где? — стояла в беспамятстве Антонина.

— Минуту осталось, потерпи, — крикнул назад, в темноту, Ильяс и зло продолжил: — Паш, вот ты образованный, скажи мне, что делит Восток и Запад? Ведь мы же одинаковые, рождаемся одинаково, через боль и слезы, живем тоже одинаково, кто-то праведно, кто-то по-скотски, и умираем не шибко разно, опять через боль. И притом спешим преумножить ее. Немцы тоже со своим пониманием, для них же война что пыль в палате протереть. Чисто должно быть, стерильно. Можешь, Паш, себе представить, чтобы всю жизнь в больнице прожить.

Машина проскочила мимо Аничкова моста. Через пять минут они подъехали к роддому и, словно мураши, подхватив носилки, засемили в роддом. Женщина металась в полуобморочном состоянии. В здании было очень беспокойно, как в разворошенном муравейнике: от дневной бомбежки разрушился соседний дом, и куски штукатурки, отлетевшие от него, выбили часть окон роддома. Уже все здания вокруг пострадали от прямых попаданий, роддом, как заговоренный, пока отделялся легкими ушибами. Шла ускоренная миграция из разбитых палат в уцелевшую часть здания. Где-то раздобыли ткань и затягивали проемы. Павел с Ильясом занесли носилки в приемное отделение, передали женщину в руки врачей и пошли выпить чаю. Ильяс, даже не допив кружку, пошел домой: его смена закончилась.

— Спасибо Чингисхану за то, что соединил наши народы. Вот только в Европу зря не пошел, решил, что там одни варвары живут. До сих пор за это расплачиваемся... Спокойной ночи, — бросил он на прощание.

Павел, ошарашенный от таких мыслей, отпустил его не возражая, сказав только, что сам перегонит машину на станцию «Скорой помощи». Чуть позже он задремал с кружкой кипятка...

Нюра опять возникла перед ним — стеклянные глаза, стеклянный осколок. Она, конечно, очень нравилась ему. Они были знакомы несколько месяцев. И когда он видел ее, он видел в первую очередь ее глаза. Обтянутые от недоедания кожей скулы сделали их еще больше — когда она смотрела на него, ему казалось, что вся вселенная сосредоточена в ее глазах и готова выскочить наружу мириадами звезд. Он так и не заговорил с ней о своих чувствах...

«И где же все эти звезды, куда они делись? Звезды просто так исчезать не могут», — уже полгода стеноло внутри.

Но вдруг второй образ заслонил эту жуткую картину. Павел перенесся в квартиру Галины, в тот злополучный вечер, когда в ней еще не развеялся запах собачьего мяса. Он так и не сумел тогда прикоснуться к нему, Галина тоже только обсосала косточки, которые остались от детского пиршества. Зато дети были подвижны и счастливы. Их улыбки озаряли неприхотливость коммунальной квартиры. Галина тоже светилась, перемещая благодарный взгляд с детей на Пашу. Павел во сне почувствовал, как разливается тепло внутри...

Кто-то тихонько потрогал его за плечо.

— Паша, нужно ехать.

Галина как будто вынырнула из сна.

— Рожают? — спросил он, протерев лицо рукой и сбросив дремоту прочь.

— Нет. Ты не представляешь, последняя гражданка, которую вы привезли, Антониной вроде звать, отказалась рожать до тех пор, пока мы не привезем ей первого сына.

— Что? Это шутка? Я уже почти сутки на ногах. Пойдем к ней, я ей объясню, от чего она может отказываться, а от чего нет.

Когда они вошли в палату, Антонина несколько пришла в себя — ей делали кардиограмму. Смотреть на нее было больно: губы синие, под глазами синяки, волосы перепутались, в глазах боль, но боль не физическая.

— Женщина, вы тут чего удумали, вам рожать нужно, а не истерики закатывать. Подумайте о будущем ребенке, — попробовал сразу перейти в наступление Павел.

— Доктор, я не могу, мне очень страшно! Меня колотит от страха! Вам было когда-нибудь не просто страшно, а жутко, доктор? — Она приподнялась на локтях и посмотрела на него с такой животной тоской, тоской о бессмысленности существования, внутри которой была потеря мужа и теперь возможная потеря еще и сына. Павел вспомнил свои страхи, сказать о них он, конечно, не решился, но подумал о том, что как бывает важно, чтобы кто-нибудь был рядом и помог им разрешиться.

— Ладно, минут за сорок авось обернемся. — прошептал он.

Когда они уже снова неслись по набережной реки Фонтанки, Галина продолжила:

— Ей надо кесарево делать, у нее что-то не в порядке, каждая минута на счету, а она очнулась и устроила истерику. «Верните мне моего сына, без сына рожать не буду!» Якобы позавчера, когда они ходили за пайком, ее, естественно, пропустили вперед, и какой-то дядька, дрянь такая, из очереди посмотрел плотоядно на нее, на ее сына и с хищной завистью сказал: «Ну, ты-то с голоду не помрешь». У нее, естественно, паника, обратно шли, она все оглядывалась. Зачем мне, говорит, еще ребенок, если я Петьку потеряю. Дура, конечно, но я ее понимаю. Знаешь, как страшно, когда одна вечерами, и твоих коленей касаются детские руки, даже не руки, а пушинки тополиные, и смотрят на тебя голодные глаза. И тишина. И даже сил заплакать нету. И каждый вечер не просто ложишься спать, а молча прощаешься и как будто умираешь, и каждое утро, когда слышишь шорох их ног, воскресает вновь... и так каждую ночь. Спасибо вашему хирургу и тебе, Паш, теперь долго продержимся...

Ее рука легла на бедро Павла. Он, одной рукой выкручивая руль, другой очень аккуратно, будто боясь разбить, переложил женскую руку со своей ноги на сиденье автомобиля и, чтобы замаять неловкость, спросил:

— Галь, а ты давно в зеркало смотрелась?

— А что, не нравлюсь? — она переменилась в лице.

— Да нет. Просто разрез глаз у тебя стал как у корейца.

— Ты это о чем, Паша?

— А ты, Галь, не знаешь, что ли, что корейцы собак едят?

— А ты, Паш, не боишься, могу и тебя съесть.

— Не боюсь, они обычно миролюбивые, — уточнил он, и оба прыснули от смеха... Машина повернула во двор, и настроение сразу поменяло знак.

— Пойду проведую контру недобитую. Шучу. Хорошая она, баба Лиза. Зря эта женщина переживает за сына.

В этот момент, как всегда неожиданно, прозвучала воздушная сирена.

— Явились — не запылились. Конечно, там, наверху, пыли нет. Похоронный кортеж, ядрена мать.

Павел поднялся на третий этаж и бесцеремонно начал долбить ногой дверь.

Уже через минуту старушка, в ночной рубашке, открыла ему.

— Извини, бабуль, но мне нужно срочно забрать мальчика с собой, в больницу, к матери, — добавил он. — Сами спускайтесь, слышите, налет!

Баба Лиза привела Петра, наскоро одела его в девчачью куртку.

— Это моей внучки, знала, что пригодится. А бомбежки я не боюсь, уже давно наш дом заговоренный, — пробормотала она, протягивая Павлу несколько яблок.

— Два тебе, а два Тоне. — Запах моментально унес его в те времена, когда они мальчишками лазили в соседские сады и когда эти сады были еще чисты. Уже закрывая дверь, она вдруг остановилась, открыла ее снова и, бросив: «Догоню», нырнула в квартиру. Через минуту она вышла вновь, держа в руках красивую расписную книгу.

— Это Коран. У меня муж был башкир. Передай Ильяску. Мне вроде ни к чему, а ему пригодится. Мы когда подымались с ним, он мне сказал, что не знает, как жить дальше.

Елизавета Сергеевна решила проводить троицу до машины и подсветить им фонариком. Когда они подходили к машине «скорой помощи», то в темноте высветился совсем новенький «москвич».

— Красивый, моего мужа. Я иногда езжу, когда очень приспичит, — почему-то прошептала баба Лиза.

Машина уже мчалась по улице Дзержинского, когда послышался вой и земля начала сотрясаться от дальних разрывов позади машины.

— Баба Лиза ангел, а ангелы бессмертны, — процедил Павел, ожесточенно крутя баранку «газона» и посматривая в зеркало заднего вида, будто пытаясь разглядеть, как там она. Он пока еще мог контролировать свой страх.

Галина улыбнулась Павлу и спокойно взяла его за запястье. Она слышала от общих друзей про его проблему.

— Наш завгар говорит, что страх возникает от недостатка опыта. Может, Антонина перестанет бояться, когда будет рожать пятого? — спросил он в пустоту и замолчал.

Сверху доносился морозящий гул, а совсем рядышком, в пяти метрах, Нева несла свои темные воды в Балтийское море вместе с людскими надеждами, страхами и горькими слезами. Павлу захотелось погрузиться в эти воды и медленно плыть, как бревно, свыкнувшись со своей судьбой.

И вдруг Павел вскинулся, будто ужаленный:

— Но какой, к черту, здесь опыт? Можно ли к этому привыкнуть? — спрашивал Паша Галину с уже окрашенными беспокойством глазами. Но рука Галины, лежащая на руке Павла, делала свое дело. Через нее, словно через клапан, уходило лишнее напряжение.

— Уже недалеко, — успокаивал он себя, и в этот момент гул начал перетекать в более высокие звуки, превращаясь в визг. Павел интуитивно понял, что ему заходят с тыла. И через несколько секунд треск пулеметной очереди и рикошет заполонили все звуковое пространство. В боковое зеркало было видно, как пылевое облако от пуль нагоняет автомобиль, как будто невидимая машина неслась вдогонку, желая обогнать его «газон».

— Ему, гаду, бомбу жалко, он же как в тире, а мы сами себя подсвечиваем! — выкрикнул Павел, выключив фары, и резко повернул вправо. Это движение спасло троицу от неминуемой гибели — крупнокалиберные пули прошли только багажник автомобиля.

— А вот и опыт! Давай еще! — уже в азарте кричал Паша.

Но одна из пуль пробила колесо, и машину начало вести вправо. Все это время Павел чувствовал руку Галины на своем запястье. Она то соскакивала вниз, когда Паша дергал ручку рычага передач, то вновь находила его кисть. И каждый раз легкое пожатие не давало свалиться ему в пропасть страха и, кроме того, давало знать, что с Галей

все в порядке. Павел резко оглянулся, и даже в полной тьме можно было разглядеть, как блестят глаза мальчика: там светилась смелость. Этот взгляд сорвал и унес прочь остатки страха, что лохмотьями еще болтались на Павле и мешали его движениям.

— Как ты там? — успел спросить он и снова обернулся к дороге.

— Хорошо!

Прозвучало так, будто там сидел взрослый мужчина, собравший в этот незамысловатый ответ все возможные матерные слова русского языка. Павел перевел взгляд на Галину, заглянул ей в глаза, обнаружил там потерянный космос со всеми своими звездами — они просвечивали сквозь тучи недобрых эмоций — и уже сам в свою очередь положил свою руку на кисть Галины и тихонько пожал ее с благодарностью. Несмотря на быстроту движений, на усилия, прилагаемые к рулю, сейчас он ощущал покой. Состояние умиротворения и полной своей защищенности заполнило Пашу. Он был бесконечно благодарен Галине.

— Эх, мне бы сейчас ружьишко, я этому гаду! — добавил азарт к состоянию покоя.

Проехав еще полквартила, они услышали сзади металлический скрежет, перемежающийся с хлопанием резины. В полной темноте вести машину на диске было невозможно: освещение улиц перед бомбежкой выключали полностью, а Павел не рисковал включить фары. Он подрулил к обочине, выскочил из кабины, открыл багажник, прихватил пацана под мышку и, взяв Галину под руку, рванул в сторону роддома. Гул самолетов больше не беспокоил Павла. Несмотря на всю драматичность, ему было легко и спокойно. Он бежал со всех ног, как когда-то бегал в школе стометровку: от скульптуры Ленина, стоящей во дворе, в том направлении, куда указывала рука бронзового вождя.

До финиша было уже недалеко, но каждая минута могла стоять жизнью и мамочке, и младенцу. И вдруг пробегая мимо Шереметевского дворца, они услышали звук приближающегося автомобиля. Павел остановился, обернулся и заслонил лицо рукой от света фар. Машина затормозила, и в окне показалось лицо бабы Лизы.

— Вметывайтесь, — улыбнулась она.

— Вы как здесь, ангел?

Пораженный Паша открыл задние двери и впустил туда Галину с мальчиком.

— А я подумала: кто назад повезет Петра? Вы всю ночь на дежурстве, отдохнуть бы. Бомбежки я не боюсь. А тут вас встречаю. Значит, так и должно было быть, — говорила баба Лиза, пересаживаясь на пассажирское сиденье. Павел сел на место водителя, и машина рванула к роддому. Пробирались они в полной темноте, только изредка, включая фары, чтобы объехать рытвины, которые проступали на дороге, словно военная тайнопись на бумаге. По ней можно было прочесть всю историю налетов за последний год.

— Если все будет хорошо, пойдем сегодня в кино, в «Художественный»? — неожиданно повернулся Павел к Гале.

— Я только домой заскочу, детей гляну, — улыбнулась Галина, подумав о том, что путь к сердцу мужчины лежит через его страхи.

— А завтра я напишу заявление на фронт, — продолжил Паша.

«Ну вот, а оказав ему помощь и обретя его, тут же начинаю его терять. Мужчине всегда нужно идти дальше», — все еще улыбаясь, думала Галя. Ждать ей было не привыкать.

Наконец автомобиль повернул на улицу Петра Лаврова. В темноте сперва бледно, а затем все ярче и ярче светил маяк — единственное здание, окна которого, пусть и зашторенные, светились на улице. Это были окна роддома...

CHUZHNAK

Рассвет упорно пытался зацепиться за крыши домов, но облака отбрасывали его лучи вверх, не давая им опуститься ниже и осветить мансардные окна самого лазурного города Франции. Как будто облакам вчера отвалили жирные чаевые, чтобы они позволили выспаться после загула гостям и жителям Ниццы. Самые богатые люди со всего мира приезжают сюда, где на улицах города каждый вечер происходит показ самых последних марок дорогих автомобилей и не менее дорогих платьев. Сегодня, в День взятия Бастилии, выспаться утром просто необходимо — главный праздник Франции требует безукоризненного внешнего вида. Город уже позаботился об этом, он еще вчера был украшен французскими флагами, развешанными на каждом углу.

Пока рассвет безуспешно боролся с облаками, на одной из улиц района Аббатуар смуглый, крепко сложенный мужчина в изрядно поношенном джинсовом костюме возился с тросом, которым к перилам крыльца был припаркован велосипед. Какой-нибудь ранний или, наоборот, слишком припозднившийся прохожий мог бы принять его за воришку: мужчина никак не мог попасть ключом в скважину замка, его руки тряслись, он как будто сильно волновался. Мужчина был средних лет, но седина уже пробивалась сквозь черную плотную шапку волос. С юности обоженное солнцем лицо с грубоватыми правильными восточными чертами было покрыто недельной щетиной.

— Проклятая Ницца, проклятая Франция, — процедил он.

Анис, так звали мужчину, уже вспотел, как будто тягал пудовую гирию, а выражение лица было настолько злым, что казалось, будто он снимает не трос с велосипеда, а ошейник с собаки, которую хочет спустить на врага. Но вокруг никого не было. Редкие машины, проезжавшие мимо, в основном пикапы, развозили к завтраку продукты и свежую выпечку по ресторанам. У Аниса внутри все непроизвольно сжималось, и тошнота подступала к горлу раньше, чем нос успевал уловить аромат печеного. Вчерашняя смесь дешевого вина и местной настойки стояла колом у него в горле, а резкий запах дешевой женской косметики не смылся даже под холодным утренним душем. Анис снова воспользовался службой знакомств, хотя уже несколько раз клялся себе завязать с этим делом. Дамы, которые приходили на свидание, весьма отдаленно напоминали выложенные в Интернете фотографии. Ему вспомнился вчерашний бигмак в «Макдональдсе», столь же отдаленно похожий на свою аппетитную рекламу на фасаде ресторана.

Замок все никак не поддавался. Превозмогая тошноту, Анис сосредоточился на руках. Злость ядовито шипела внутри. Ее хватило бы, что бы отравить небольшой город. Ему вспомнилось, как в юности он пытался угнать мотороллер со склада спортивного магазина, но тогда трос оказался настолько толстым, что он не мог перекусить его кусачками. Анис сумел оставить на металле только пару зазубрин, но прибежал охранник с собакой и схватил его. Громкое разбирательство в школе и поход с отцом к местному мулле не вразумили Аниса.

— Ты не можешь мне купить мопед. Аллаха нет. Все устроено нечестно, — кричал он на отца.

Воспоминание еще больше разозлило Аниса, он ругался на свою вчерашнюю слабость, на свою мать, которая родила его невезучим, он злился на этот город, который может себе позволить спать до обеда, на президента Франции, который игнорирует права эмигрантов... Ключ неожиданно повернулся, и трос резко раскрылся, больно ударив Аниса замком по руке. Небольшая, но глубокая ранка моментально наполнилась кровью.

— Дьявол! — чертыхнулся Анис.

Ему предстояло добираться на велосипеде практически через весь город, до места парковки грузовика, на котором он развозил мороженое по сети ларьков местного предпринимателя Этьена. В этом сладком грузе тоже была некая насмешка судьбы: каждое утро с горького похмелья доставлять сладкое лакомство тем, у кого и так было всего с лихвой. Аниса передергивало, когда он видел детей, уплетающих мороженое. В детстве он лакомился только по большим праздникам, а яркие фотографии «Nestle» с плакатов на фасаде супермаркета тянули к себе каждый день, когда он шел мимо них в школу. Вчера вечером, прогуливаясь вдоль фонтанов по площади Массена, он не выдержал и украдкой толкнул в спину конопатого пятилетнего мальчишку, смачно поедающего эскимо. Тот споткнулся и припечатал мороженое к яркой шифоновой юбке своей матери. Получив от нее подзатыльник, малыш обиженно разревелся...

* * *

Четыре года назад Анис, оставив дома в Тунисе жену с тремя детьми, подался на заработки во Францию. Он забрал с собой десять тысяч евро, которые были накоплены семьей за десять лет, с твердым желанием их удесятерить. Анис, по телефону выслушав все, что о нем думает жена, обещал ей, что когда-нибудь покатает ее на кабриолете по Лазурному побережью и они обязательно отведают омаров в лучших ресторанах Монако. Анис мечтал о ночных клубах, спортивных аренах, больших кинотеатрах... Впервые приехав в Париж, он почувствовал, что сказка воплощается в действительность и он словно скользит от ночи к ночи, упиваясь столичной жизнью. Ничего похожего в его по-мусульмански аскетичном городе Мсакен не было.

В Тунисе при внешней религиозности уже царил светская мораль: хочешь молиться, хочешь нет. Мечеть находилась далеко от дома Аниса, и он уже в старших классах позволял себе пропустить утренний намаз и поспать пару лишних часов. Отец работал на виноградниках и уходил на работу рано:

— Сын, через час поднимайся и иди в мечеть, воистину намаз отстраняет от мерзости и явного греха, — цитировал он суру из Корана, собираясь в поле.

— Хорошо, отец, — отвечал Анис и спал дальше, порой просыпая и первый урок.

— Ты не мусульманин, опять пропустил намаз, тебя накажет Аллах, — кричала мать, поднимая его в школу.

— У нас из класса почти никто не совершает фаджр.

Книг Анис не читал, зато буквально глотал американские фильмы.

«Когда-нибудь я буду жить в стеклянном небоскребе, на сотом этаже, и забуду этот убогий одноэтажный город с его Рамаданом и никому не нужными правилами Корана», — мечтал он.

Почему, спрашивал себя Анис, где-то там ходят в рок-клубы, а здесь обречены на пение муэдзина? Он завел дружбу с местными байкерами, но отец не мог купить ему мотоцикл, и Анису приходилось завистливо вздыхать при виде стальных машин.

Во Франции Анис надеялся получить все и сразу. В Париже он работал водителем такси, сутенером, потом был боевиком в одной полукриминальной структуре, но, получив год условно, завязал с этим. В веренице событий Анис получил извещение о разводе и понял, что остался один. Отец учил его, что мужчина в семье — опора.

— Слушай лозу, она расскажет тебе о том, что без корней засохнешь, семья — это основа, — говаривал он, приводя сына на виноградники, где в сезон приходилось работать по двенадцать часов в сутки.

Но Анису всегда казалось, что он упускает что-то большее. Узнав о разводе, он ощутил облегчение. А с другой стороны, какой теперь смысл пыжиться изо всех сил?

— Особняк, «мерседес», для кого теперь это все? — вспоминал свои мечты Анис. Возвращаться ему было некуда.

— Ну ее к шайтану. Женщина — порождение ада. Не поймешь, что у нее на уме. Говорит мне: «Ты глава семьи. Ты наш защитник. Слушайся муллу, он плохого не скажет». И тут же: «Что ты мне свою мать в пример ставишь, сейчас не прошлый век». Отец зарабатывал мало, и то мать боялась глаза на него поднять. А моя: «Не нравится — уходи». Знает, что имущество ей отойдет. Новые правила развода, брачные контракты — это все объедки со стола Франции, — рассказывал Анис своим поделщикам.

С каждым годом желание срубить куш постепенно растворялось в череде неудач и развлечений. Сказка превратилась сначала из цветной в черно-белую, а затем стала просто фотографией какой-то китайской деревни: в бедном районе Гобелен в Париже, где он жил, все вывески были написаны иероглифами, и французский язык здесь не слышали уже давно. После того как у него обчистили квартиру, с остатками денег и небольшой дорожной сумкой Анис добрался до Ниццы.

Переночевав в хостеле, он решил прогуляться по городу, пытаясь найти место, где ему может улыбнуться удача. Выйдя на набережную, Анис почувствовал жажду, но прошел мимо множества открытых ресторанчиков и присел выпить кофе только возле отеля «Негреско». Ему хотелось хоть как-то прикоснуться к роскоши, подышать одним воздухом с людьми, сидящими здесь. Они приезжали и уезжали на дорогих авто, которые стартовали со звериным визгом и рыком. Это было круто. Анису захотелось стать владельцем такого автомобиля. Он развалился в плетеном кресле и представил, как его новый шелковый костюм будет охлаждать разгоряченное тело в открытом кабриолете...

— Что будете заказывать? — Вопрос официанта прозвучал словно из ниоткуда.

Анис вернулся к действительности и расстегнул душную джинсовую куртку.

— Кофе, будь любезен, — растерянно попросил он.

Чуть позже, когда официант, по виду тунисец, застилал стол салфеткой, Анис вкрадчиво спросил:

— Земляк, где бы можно подработать?

— Гражданство есть? — вопросом на вопрос ответил официант.

— Да я коренной француз, — обиделся Анис, показывая французский паспорт.

— Тут в порту стропальщиками такие коренные работают. Сам два года отпахал, пока не нашел это место. Правда, оно тоже сезонное, и я вместе с птицами лечу каждую осень обратно в Африку. Но если ты хочешь что полегче и есть права и деньги, то можешь взять грузовик в аренду и развозить мороженое. Есть в городе одна компания, там директором Этьен, она поставляет мороженое в два десятка ресторанов. Одна машина вполне справится, если начинать затемно. Местная компания, где он нанимал водителей, сейчас бастует, поэтому Этьен может заплатить и двойную цену. В это время он обычно в офисе.

«Может, повезет», — подумал Анис, а вслух спросил:

— Какое сегодня число?

— Десятое июля. Скоро День взятия Бастилии, большой местный праздник, — сказал официант, нахмурившись. — Сплошная суета. Кстати, у нас тоже праздник, неделю назад наконец-то открылась мечеть, приходи в пятницу на вечернюю молитву.

— Я не верю в Аллаха, — с вызовом ответил Анис.

— Так не должно быть. Ты родился правоверным, — бросил официант и ушел на кухню.

Рев автомобиля заставил Аниса обернуться. Из припаркованного спортивного авто вышла девушка в обтягивающих джинсах и незаметном топике, на ее голове была широкополая соломенная шляпа необычной формы. Шляпа была похожа на

морскую раковину, из которой выглядывал и сам моллюск: лицо девушки было абсолютно бледным, а взгляд — холодным.

«Или финка, или шведка», — подумал Анис.

Когда она проходила мимо, верх ее шляпы зацепился за спицу зонта, под которым сидел Анис. По инерции девушка сделала еще несколько шагов, а шляпа так и осталась висеть на краю.

«Шанс», — решил Анис. Он встал, снял головной убор и протянул его девушке. Но та бросила на него уничижающий взгляд и, поглубже надев шляпу, прошла к угловому столику. Анис разочарованно упал в кресло, стараясь не смотреть в ее сторону.

«Пришла одна и уйдет одна», — он бросил еще один взгляд на ее двухместный спорткар, в котором пассажирское сиденье было завалено коробками с одеждой.

Жалобный скрип стула отвлек внимание Аниса. Из-за соседнего столика поднялся молодой рыхлый итальянец. Он бросил на стол две купюры по двадцать евро и пошел к выходу, не отрывая взгляда от экрана смартфона.

Итальянец выглядел нелепо в дорогом, но сильно измятом белом шелковом костюме и отельных шлепанцах на босу ногу. Завершал картину желтый шарф, небрежно повязанный на шее, — Анис невольно вспомнил селезня, которого держали в декоративном прудике китайского ресторана в Париже. Анис все ждал — когда же его пригласят для какого-нибудь любителя утятин.

Проходя мимо, итальянец запнулся и, чтобы не упасть, схватился свободной рукой за ближайший к нему стол. Недопитая чашка кофе, соскользнув с блюдца, опрокинулась на колено Аниса. Он подхватил ее и, поставив на место, привстал и расправил плечи, но итальянец, не отрываясь от экрана, пробормотал «сорри» и бросил на стол пятьдесят евро. Анис мельком успел разглядеть на смартфоне фото морской рыбалки на акул.

«Он думает, им все можно».

Место для скандала было неподходящим.

«Это он здесь селезень, а хотелось бы послушать, как он будет крякать уткой, если его зажать где-нибудь в проулке».

Анис забрал брошенную купюру и прихватил чаевые, которые итальянец оставил на своем столе. Пора идти искать офис торговой фирмы.

Он быстро договорился с Этьеном, невысоким, худощавым французом. У того была практически безвыходная ситуация — рестораны искали других, более шустрых поставщиков. Этьен предложил подписать партнерский контракт.

Несмотря на природную худобу — кости выпирали на плечах из-под рубашки, — он пытался произвести впечатление серьезного бизнесмена. Все атрибуты: просторный кабинет, большой дубовый, покрытый кожей стол — говорили об этом. Внимание Аниса привлекли крупные золотые, инкрустированные камнями часы на руке Этьена: они сползли по запястью, когда тот ставил свою подпись. Этьен быстрым движением поднял часы на место. Анис подумал, что было бы неплохо со временем сесть в этот кабинет вместо Этьена и обзавестись такими же часами. Но что-то его смущало: может, излишнее радушие, может, странная суетливость хозяина:

— Тунис и Франция были столько лет вместе, мы должны помогать друг другу. Предлагаю обмыть сделку. Гренаш — мое любимое тунисское вино.

— Отлично, — ответил Анис.

Подписывая контракт, Анис заволновался. Чтобы успокоиться, он начал вращать ручку между пальцами, как любил делать его поделщик в Париже. Этьен откупорил бутылку и начал разливать вино по бокалам, но, заглядевшись на ловкие движения Аниса, отвлекся, и вино забрызгало джинсы новоявленного партнера.

— Оу, — выдохнул Анис.

— Извини, в квартале отсюда есть химчистка, там отстирают и вино, и кровь, — сочувственно заметил Этьен, указывая на темное пятно.

— Это не кровь, это кофе, — Анис повернулся, скрывая ногу под столом.

Этьен достал из сумочки толстый кожаный бумажник, замявшись, вынул пятьдесят евро и положил их на стол перед Анисом.

«Отец неделю работал на виноградниках, чтобы получить такие деньги, — подумал Анис. — А вдруг это вино из того самого винограда?» Он украдкой бросил взгляд на бутылку — вино было закупорено через два года после смерти отца. Но внутри колыхалось странное эхо: «Мы на побегушках у европейцев, мы на побегушках, это не правильно».

После встречи с Этьеном Анис поехал в прокатную фирму на холмах за городом и взял в аренду среднетоннажный рефрижератор марки «рено». Он заплатил две тысячи евро залога и четыреста в виде оплаты аренды за три дня. Ему предлагали пикап, но он посчитал, что сможет, кроме мороженого, возить что-нибудь еще. Анис хотел почувствовать себя хозяином дороги, вожаком стаи, за которым бегут легковушки, мотоциклы, пикапы... Хотел посмотреть, как расступятся все они, когда он выедет на дорогу. Он жаждал новых впечатлений. Его уже не так пугало, что в кармане осталось несколько сотен евро.

«Может, еще и покаваю на кабриолете не жену, так детей, — думал Анис, выходя из офиса прокатной фирмы и нащупывая в кармане остатки денег. — А может, и не получится», — мысль царапнула и пропала в потоке приятных предчувствий.

Когда он подходил к городу, солнце точным броском опустилось в единственное облачко на горизонте, как бильярдный шар в лузу, и, подсветив его, еще долго выглядывало из-за горизонта, словно луза была переполненной.

«Эту партию я должен выиграть», — подумал Анис и отправился искать жилье.

В сравнительно недорогом местечке Аббатуар он нашел, то что было нужно. Зайдя в комнату и бросив сумку на кровать, Анис первым делом достал ноутбук, вошел в Интернет и погрузился в местные сайты знакомств. Он верил, что сегодня его день и он в приятном обществе прогуляется по Английской набережной...

* * *

Три дня пролетели в суете. Было очень жарко, и Ницца огромными порциями поглощала мороженое. Рефрижератор Аниса, как большая ложка, сновал от базы к ресторанам, без усталости убаюкивая город.

Наступило утро долгожданного праздника. Особо настойчивые лучи пробивались сквозь облачный занавес, проникли под темные гостиничные портьеры и потревожили нежащихся в постелях гостей города. Город начал готовиться к вечернему действу: флагами и шарами украшали набережную, устанавливали VIP-зону и полицейские ограждения, расставляли пиротехнику, залпы которой должны были напомнить о давно прошедших событиях.

Разделавшись с парковочной цепью, Анис устало крутил педали. Даже раннее облачное утро не остужало внутреннего жара. Каждый оборот педалей отдавался болью в голове, если бы не похмелье, организм бы уже привык к нагрузке. Пот ручьем лил по лицу и спине. Анис с завистью подумал о мажорах, которые приезжают за своими грузовиками на такси. А бросив взгляд на облачное небо, позлорадствовал:

— Никто, кроме небожителей, ваш салют и не увидит.

Обливаясь потом, он вспомнил свои мечты о том, как будет хозяйничать на дорогах. Работа на грузовике была тяжелой — приходилось помогать на разгрузке. Вста-

вая перед рестораном, грузовик обычно перегораживал улицу, и автомобилисты, которые не могли объехать большегруз, с удовольствием жали на клаксоны. Так нелепо твякают на сенбернара болонки. Это даже забавляло Аниса, но управляющий одного из ресторанов пожаловался Этьену.

Когда выдавалась свободная минутка и Анис мог спокойно посидеть в кабине грузовика, он с завистью выглядывал посетителей в дорогих костюмах, входящих в ресторан с парадного входа. Их взгляд обычно не останавливается на грузчиках и водителях. Они не замечают их, как не замечают мелких грызунов крупные хищники, высматривающие только крупную дичь: дорогие машины, ярких женщин... Анис пытался отретировать подобный взгляд перед зеркалом, но у него выходило комично и жалко.

«Они, наверно, и этот взгляд получили вместе с наследством», — Анис вспомнил Этьена. Ему не хотелось верить, что тот достиг всего сам. Хотя хватка современного бизнесмена проявлялась в Этьене отчетливо: в первый день он не заплатил под предлогом, что заболел бухгалтер, во второй сказал, что готовится к празднику и пришлось все деньги вложить в оптовую партию мороженого.

«Я должен сегодня забрать свои деньги», — пульсировало в голове у Аниса. Ему было необходимо сегодня вернуть машину в агентство или внести еще четыреста евро, а денег осталось только на мороженое. Внимание Аниса привлекла ярко освещенная витрина ювелирного магазина. Он притормозил, его взгляд пробежал по ценникам и остановился на одном, с четырьмя нулями. Анис присвистнул:

— Ломик бы сейчас...

Нет, сидеть он не хотел. Заметив, что самым дорогим на витрине было обручальное кольцо с крупным бриллиантом, Анис непроизвольно посмотрел на свою правую руку, где еще не так давно блестели его обручальное на безымянном и родовое кольцо на среднем. Первое он подарил в прошлом году уже забытой девушке по вызову. След от него уже сравнялся с общим загаром. Родовое кольцо, переданное отцом от деда, было бездарно проиграно в наперстки на Монмартре таким же коренным французам, как и он. Попытка забрать кольцо назад стоила ему разбитого носа.

Анис на скорости приблизился к перекрестку и, не слезая с велосипеда, поехал по пешеходному переходу. Сигнал клаксона застал его врасплох. Велосипед вильнул вбок и врезался в парапет. Анис, перелетев через раму, упал на тротуар. Оглянувшись, он увидел за рулем грузовика крепкого араба, бледного от неожиданности.

— Как у себя дома, — сплюнул Анис и вытер кровь с локтя.

Когда Анис приехал на парковку, тучи уже расступились и пятились к горизонту, уступая пространство празднику. Анис, загрузив машину мороженым, поехал развозить лакомство по точкам Этьена. Когда в холодильнике осталась только пара контейнеров с подтаявшим мороженым, Анис, оставив грузовик на парковке, отправился в офис за зарплатой. Он чувствовал, что Этьен так просто не расстанется с деньгами, и эта мысль заставляла его остервенело крутить педали.

Этьен спокойно стоял у зеркала, разглаживая полы своего дорогого хлопкового пиджака в крупную коричневую клетку. Пиджак был несколько великоват для него. Заметив Аниса, Этьен еще раз провел рукой по лацкану.

— Садись, — неожиданно резко бросил он.

Анис растерянно плюхнулся в кресло и больно задел разбитым локтем о край стола.

— Я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Забастовка закончилась. Не вижу необходимости платить тебе больше, чем другим. Вот еще что: мне позвонили из нескольких точек — мороженое было подтаявшим. Это я тоже вычту. Ты же не хочешь, чтобы я проинспектировал остальные точки... Мой юрист все подготовил, — отрезал Этьен.

Боль не позволяла Анису сосредоточиться. Но при слове «юрист» у него внутри все оборвалось: как ловко Этьен из обвинителя превратил его в обвиняемого.

Он забрал деньги не пересчитывая, посмотрел на Этьена с обреченной ненавистью и вышел. Забыв про велосипед, стоящий у входа, он пошел пешком. Невыносимая обида подступила к его горлу и встала поперек, мешая дышать.

Пройдя квартал, Анис зашел в неприметное кафе, спрятавшееся за яблонями. В нем не было никого в это время — время сиесты. Сел за первый попавшийся стол. Огляделся с ненавистью и болью. Напротив его стола висела картина — единственное яркое пятно на серо-коричневой стене.

На картине была изображена гостиная в марокканском доме, где семья — муж, жена и двое детишек — обедали. Еще пять лет назад он так же сидел во главе стола и лениво покрикивал на балующихся детей, пока жена накрывала на стол. Он подробно разглядывал свое прошлое, боясь заглянуть только в глаза изображенных на картине людей, интуитивно опасаясь их презрения. Сквозь гул в голове он услышал женский возглас, донесшийся от входа в кафе:

— Настя!

Обернувшись, Анис увидел у входа молодую пару. Женщина в белом коротком платье быстрым движением придержала маленькую девочку с рыжеватыми кудрями, чуть не упавшую с плеч мужчины. Мужчина — молодой брюнет в черных шортах и фирменной футболке клуба «Лион» — видимо, запнулся о порог.

«Русские», — подумал Анис.

Он немного знал их язык. В криминальных кругах Парижа они всегда удивляли его хмуростью, но уж если смеялись, то оглушительно громко. Эта троица была другой — она светилась изнутри.

Они, возбужденные происшествием, прошли через все кафе, сели за столик под картиной и на смешном английском заказали рыбный суп.

Анис не понимал, как может им быть так хорошо, когда ему так плохо. Он смотрел, как они играют с девочкой, заигрывают друг с другом, но когда мужчина поцеловал женщину в шею, Анис смутился и перевел взгляд на картину. Он встретился взглядом с улыбающимся мальчишкой — и картина ожила. Ребенок, смеясь, уплетал кус-кус.

Аниса пронзило чувство одиночества, пронзило так сильно, что ушло в позвоночник. Как будто игла хирурга вошла в него и обездвижила Аниса. Боль отступила — он впал в оцепенение и боялся очнуться, чтобы не испытать ее снова. Он не слышал официанта, подошедшего принять заказ, и заметил его только тогда, когда ему на колени запрыгнула кошка.

— Кыш! — Анис отшвырнул ее на пол. Отскочив, она оглянулась и жалобно посмотрела на Аниса. Он подумал: «Меня отшвырнули так же».

Он заказал чашку чая, достал смартфон, чтобы чем-то занять руки и голову, начал быстро прогонять новостную ленту фейсбука. Вдруг он заметил на экране знакомое лицо — с фотографии улыбалась девушка, как две капли воды похожая на его жену в молодости, рядом с элегантным немцем. Они стояли возле огромного «мерседеса». Комментарий к фотографии гласил: «Он увезет нас в рай». Кто он — джип или мужчина, — было непонятно. Разглядывая джип, Анис вспомнил свой грузовик. Ему стало ясно, что делать дальше. Пружина разочарований, сжимавшаяся последние два года, моментально распрямилась. Он вдруг понял, что вся его жизнь была вызовом Аллаху, а все невезения — ответом ему. Что в глубине души он презирает тех мажоров, к которым его тянуло на протяжении всей сознательной жизни.

«Вечером, в праздник, на набережной будут все. И Этьен притащится. Лощеные подонки, вы заманиваете нас в свой европейский рай. А я покажу вам арабский ад!»

Он отшвырнул телефон, смахнул чашку на пол и вышел из кафе. План выстроился быстро.

«И возвращать грузовик не надо», — проскочила мысль.

Он добрался до гостиницы, взял из сумки пистолет калибра 7,65, привезенный из Парижа. Вспомнил, как обошел металлоискатели на железнодорожном вокзале: «Не зря», — и с этой мыслью он отправился к грузовику. На последние деньги шиканул и взял такси до парковки. Уже когда грузовик шел полным ходом к Английской набережной, его остановил кордон полицейских. Анис не торопясь вылез из кабины, подошел к двум офицерам:

— Везу мороженое на праздник. Оно тает. Очень жаркий день. Гости Ниццы останутся без сладкого.

Один из офицеров сказал другому, что машину необходимо досмотреть. Но второй махнул рукой — и Аниса пропустили.

Вокруг уже было темно, по улицам двигались тысячи людей — словно десятки горных ручьев вливались в бурлящий поток, где все светилось, вспыхивало, кружилось, шумело, и было не разобрать — ад это или рай.

Анис медленно подъехал к полицейским ограждениям, отделяющим пешеходную зону, и выглянул из-за деревьев на набережную — там извивалась огромная сверкающая змея. Празднующие люди как будто перестали быть живыми, они как будто уже частично переварились этой змеей и превратились в оплывшие манекены, в тряпичные куклы. Пустота! Пустота гудела над яркими огнями. Эти огни светили, но светили они черным светом.

— Этьен!..

Анис включил магнитола на полную громкость. Вместе с ударившими басами он вдавил педаль газа до упора и, пробив невысокие ограждения, влетел на набережную. Первыми он отбросил нескольких стражей порядка. Кого-то из них переехал. Машина подскочила, Анис прикусил губу и почувствовал вкус крови. Чувство превосходства распрямило его. Теперь он специально начал вилять, чтобы зацепить людей, идущих сбоку. Колонки в кабине были мощными — крики практически не доносились до него. Через несколько секунд после того, как он переехал ограждения, картина на набережной преобразилась. Броуновское движение стало упорядоченным. Как будто прорвало в нескольких местах плотину, и вся вода устремилась туда. Люди разбежались, пытаясь заскочить в проулки, многие прыгали с мостовой на пляж. Анис видел множество лиц. Большинство людей, прежде чем уйти под машину, успевали обернуться. Они как будто что-то хотели сделать или сказать.

Некоторых сбитых грузовиком подбрасывало вверх, и они ударялись о кабину водителя. Анис видел их бесконечный ужас. Он искал глазами пиджак в крупную коричневую клетку. Больше всего ему хотелось заглянуть в глаза его владельца.

— Этьен, ну где ты?

Машина неслась, словно по полю с высокой травой, подминая под себя людей и оставляя лежать их уже смятыми, сломленными. Когда грузовик пролетал мимо отеля «Негреско», Анис заметил знакомый желтый шарф на шее толстяка.

— Посмотрим, чем ты заплатишь теперь.

Итальянец держал смартфон в правой руке, подняв его выше бегущих мимо людей, и даже не смотрел на грузовик — он смотрел на экран, медленно спускаясь с крыльца отеля и снимая происходящее.

Анис резко крутанул руль в направлении мужчины, тот в свою очередь опустил в ужасе глаза, и их взгляды встретились.

— Ага, ты увидел меня!

Но в следующий момент Анис крутанул руль в обратном направлении и объехал француза. От воздушной волны тот отшатнулся, но вес позволил ему устоять. Уже

проехав метров пятьдесят, Анис бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что француз идет, переступая через людей и снимая их. Тела лежали, как скошенная трава.

— Снимай, снимай, италяшка.

Грузовик неумолимо мчался по набережной. Кто-то из полицейских выпустил обойму по кабине, но от бронированной пленки, наклеенной на лобовое стекло для защиты от камней на трассе, пули отскакивали.

— Слабаки! — разгорячился Анис и сильнее надавил на акселератор.

В эту секунду в боковое зеркало он увидел, как мотоциклист перепрыгнул со скутера на подножку грузовика и пытается открыть дверцу. Анис повернул руль рефрижератора и, проскрежетав юзом по фонарному столбу, сбросил хребца на мостовую. Выжить после такого падения было невозможно.

Анис перевел взгляд с бокового стекла на лобовое и увидел пару, стоящую прямо по пути следования автомобиля — мужчину, пытающегося достать младенца из коляски, и женщину, остолбеневшую от ужаса. Фары грузовика уже ярко осветили их. На мужчине блестела знакомая футболка клуба «Лион». В последний момент мужчина подхватил ребенка и рванул, словно спринтер, в сторону, ухватив за руку жену. В следующую секунду они выскочили на газон.

— Везучие эти русские, — бросил Анис со злостью. Уже пустая коляска взлетела в воздух и, прочертив дугу, словно бейсбольный мяч, рухнула на траву.

Анис увидел, что врзается в группу арабских туристов, и первым, кого он сбил, был мальчишка — его подбросило и припечатало к лобовому стеклу. Искаженное от боли лицо оказалось прямо напротив лица водителя.

На Аниса смотрели глаза его сына. Анис выпустил руль из рук. Автомобиль выскочил на газон, сбив холодильник с мороженым, и врзаясь в дерево. Через несколько секунд подоспели полицейские и высадили в кабину не меньше полусотни пуль. Когда открыли двери, изрешеченный Анис вывалился из них на кем-то брошенный французский триколор, залив его кровью...

Утро пришло равнодушно и неспешно. Набережная, открывшаяся рассвету, была то тут, то там обагрена кровью, будто бы по ней, мечась между домами и деревьями, уходило от охотника гигантское раненое животное. Небо было предательски чистым, и краски буквально горели на солнце.

Зной быстро затопил набережную. Он накрыл искореженную коляску, лежащую на газоне рядом с самым пафосным отелем Франции. Его тяжелое дыхание почувствовала маленькая Анастасия, разбросавшая рыжие локоны в утреннем сне на лоджии недорогой съемной квартиры. Обжог он и Этьена, лежащего у открытого окна в госпитале, — тот не смог попасть вчера на праздник, у него открылась язва желудка. Пот лил рекой по лицу толстяка, сидящего на балконе отеля «Негреско», но тот ничего не замечал — он завороченно смотрел на экран смартфона, где щелкал счетчик лайков, отсчитывая живых.